

Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 годов¹

В. Б. Безгин

Владимир Борисович Безгин, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета. 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5. E-mail: vladuka62@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли «поколения революционного перелома» — родившихся в 1890-е годы — в аграрном движении 1905–1907 годов. Источниковую базу статьи составили архивные документы и материалы периодической печати. На основе содержания губернаторских отчетов, полицейских рапортов, судебных хроник установлено присутствие детей и участие подростков в таких формах крестьянского протеста, как потрава помещичьих полей, разгром и поджог барских усадеб. О степени вовлеченности этой возрастной когорты в протестные действия крестьян свидетельствуют факты гибели и ранения сельских детей в ходе карательных акций, а также упоминания о противоправных действиях деревенских подростков в материалах следственных дел, судебных разбирательств и газетных заметках. Автором установлено, что если малолетние дети были наблюдателями происходящих событий, то сельские отроки, наряду со взрослыми крестьянами, играли в них активную роль, а порой выступали и в качестве зачинщиков беспорядков. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что участие детей и подростков в аграрном движении обусловлено характером коллективных действий общины и традиционным отношением крестьян к «чужой» собственности. Полученный подрастающим поколением села опыт крестьянского протеста впоследствии проявился в ходе «черного передела» 1917 года.

Ключевые слова: поколение революционного перелома, крестьянская революция 1902–1922 годов, крестьянство, сельская община, дети, подростки, социальный протест, погромы имений

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77

Изучение феномена «поколения революционного перелома» невозможно без оценки участия его представителей в важнейших событиях отечественной истории, в частности, крестьянской революции 1902–1922 годов. Она, став завершающим этапом аграрного движения, во многом определила будущее развитие страны и судьбу сельского социума. Первым жизненным этапом для изучаемого поколения стало участие в аграрном протесте 1905–1907 годов. Крестьянское движение, начавшееся в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 году, к 1905 году охватило большую часть Европейской России. Наивысшего размаха оно достигло на территории Центрального Черноземья и Поволжья. Это обстоятельство определило географические границы исследования. Выбор в качестве объекта изучения сельских детей и подростков продиктован време-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

нем их рождения, а это — 1890-е годы. Таким образом, современниками данных событий могли быть представители «поколения революционного перелома», достигшие максимум семнадцатилетнего возраста. Ввиду того, что в изученных документах точный возраст участников аграрных выступлений указывался редко, к подросткам нами отнесена категория несовершеннолетних, то есть лица, не достигшие 21 года, времени призыва в армию. С учетом деревенских традиций возраст детства ограничен 14 годами, то есть наступлением времени отрочества, когда сельские подростки фактически становились полноценными работниками в крестьянском хозяйстве. В силу возраста степень участия детей и подростков в происходящих событиях была различна: если сельские дети были преимущественно наблюдателями, то деревенские подростки в ряде случаев играли в них активную роль.

Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать период, когда изучаемая когорта только формировалась, и выяснить, какое влияние на подрастающее поколение российского села оказали протестные выступления 1905–1907 годов. Документальную основу работы, наряду с архивными материалами судов и полиции империи, составили статьи центральной и губернской печати. Именно в репортажах с мест их авторы чаще всего упоминали об участии в погромах барских имений деревенских детей и подростков. Реже они фигурировали в полицейских рапортах и материалах следствия. В качестве обвиняемых в силу возраста их не привлекали, поэтому если они и участвовали в судебном разбирательстве, то лишь как свидетели.

Методологическую основу работы составила концепция крестьянской революции 1902–1922 годов (Данилов, 1996; Шанин, 1997), получившая в последующие годы убедительное документальное и теоретическое обоснование (Кондрашин, 2008: 85–89). Были учтены выводы, содержащиеся в современных работах специалистов в области аграрного движения (Безгин, 2017: 20–27; Шорников, 2022: 44–54) и истории поколений (Вязинкин, 2022: 153–165; Вязинкин, Якимов, 2023: 402–417).

Участники

Вовлеченность подрастающего поколения села в различные формы аграрного протеста была predeterminedена ролью общины в жизни русской деревни. Именно она выступала главным механизмом и организационным ресурсом аграрного движения (Кондрашин, 2020: 199). С этим утверждением солидарны и другие современные исследователи (Кабытов, 2021: 237; Варфоломеев, 2022: 144). Протестные выступления 1905–1907 годов в российском селе носили массовый характер. По данным В. В. Кондрашина, непосредственное участие в активных формах протеста (захват земли, сенокосов, лугов, разгром помещичьих и частновладельческих имений, коллективные по-

рубки леса и т.п.) приняли в среднем от 20 до 30% сельского населения (Кондрашин, 2020: 198).

Решения о погромах барских имений принимались крестьянами на сходах, что подтверждается как наблюдением современников, так и содержанием полицейских отчетов. Исходя из общинных традиций российской деревни, реализация приговора, требующего коллективных действий, предполагала поголовное участие односельчан. Это объясняет присутствие детей и подростков в толпе, осуществлявшей разорение владельческой экономии. Вот как описывает алгоритм погрома и его участников современник: «Раздавался набат в церковный колокол, набиралась толпа, вооружившись кольями, двигалась к намеченному имению, за ней следовали подводы с бабами и подростками, и все это двигалось с криками, гиканьем и шумом» (Перепелицын, 2013: 123). Присутствие детей в числе погромщиков отмечено и в материалах следственных дел. Например, в Севском уезде Орловской губернии 20 февраля 1905 года около 11 часов вечера к Георгиевскому хутору купца Петровского подошла толпа крестьян около 100 человек, в числе которых были женщины и дети. Они сломали замки на 6 амбарах и расхитили зерно². В том же уезде староста с. Хинель Андрей Ключников отдал приказание местным крестьянам ехать на погром Михайловского хутора. Отправились не только мужчины, но женщины и даже дети³. Это наблюдение местного газетного репортера. Аналогичные суждения об участии деревенских ребят в протестных выступлениях содержатся в материалах полицейского ведомства. Так, сообщая о событиях 30 августа 1905 года в слободе Борисовке Грайворонского уезда Курской губернии, местный исправник отметил в рапорте, что «агитаторов окружала толпа мальчиков, были между ними 10-летние дети»⁴. Из донесения прокурора Тамбовского окружного суда о крестьянских беспорядках в экономии помещика Романова при д. Марьиной Голицынской волости Козловского уезда Тамбовской губернии от 30 октября 1906 года узнаем, что «в воскресенье, 22 октября, вечером на хутор явилась толпа крестьян в несколько сот человек, в ее числе были женщины и дети»⁵. В с. Любятино Пензенского уезда и губернии в ходе крестьянского протеста были сожжены имения местных помещиков. По рассказам очевидцев, во время пожара на усадьбе Эйнем можно было наблюдать толпу в несколько сотен человек: «Больше это все были парни да девки» (Лемаев, 2017: 159). Таким образом, подрастающее поколение села, участвуя в коллективных формах протеста, обре-

2. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 1506.
3. Речь. 1906. 24 февраля. № 2.
4. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 15. Д. 14. Л. 2206.
5. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6977. Л. 2.

тало навыки борьбы с помещиком, на деле убеждалось в допустимости, а самое главное — в результативности погромных действий.

Нередко инцидент с участием крестьянских детей становился причиной серьезного конфликта взрослой части села с представителями коронной власти. Например, в с. Крутые Горы Задонского уезда Воронежской губернии 10 мая 1906 года произошло столкновение местных крестьян с полицией. Подростки пасли стадо в казенном лесу, четыре стражника выгнали скотину, о чем пастухи сообщили односельчанам. После чего в селе ударили в набат, и все от «малого до старого» бросились отбивать угоняемую скотину. Стражники произвели выстрел, чтобы «попугать». Озверевшая толпа, вооруженная кольями, вилами, косами, топорами, начала избивать стражников. В результате побоища двое стражников были убиты⁶.

«Аграрные беспорядки», начавшиеся в губерниях региона в феврале-марте 1905 года, достигли своего апогея к концу года. К этому периоду относятся следующие свидетельства. 22 декабря 1905 года в 12 часов ночи от станového пристава Клипикова поступила телеграмма, что в слободе Коренной сожжены и разгромлены экономии жены генерал-майора Ширинкина и жены капитана 2-го ранга землевладелицы Вальронде. Он сообщил, что 19 декабря около трех часов дня экономия была разграблена толпой, состоящей из мужчин, женщин и детей. Из обвинительного акта Курского окружного суда узнаем, что 30 крестьян д. Александровки Курского уезда 23 октября 1905 года произвели беспорядки в имении Стишинского. В частности, «крестьяне, предшествуемые детьми, стали бить стекла в окнах квартиры управляющего г-на Егорова и выбрасывать во двор его имущество»⁷. Соразмерно возрастным возможностям деревенские парни вносили свой посильный «вклад» в разгром барских имений. Приведем одно из описаний такого погрома, произошедшего в Саратовской губернии: «Взрослые ломали и выбрасывали имущество, а женщины и дети подбирали все, что им приглянулось, и уносили домой. Впереди толпы шли мальчишки, которые били окна камнями и помогали тащить имущество» (Варфоломеев, 2022: 140).

Несмотря на усилия коронной власти, успокоение в центрально-черноземной деревне не наступало. Более того, все чаще в ходе протестных действий крестьяне стали прибегать к физическому насилию в отношении представителей власти. Так, 9 июля 1906 года в слободе Борисовке Грайворонского уезда Курской губернии толпа крестьян численностью в 2000 человек обезоружила стражников, избива пристава, волостного старшину и подожгла дом графа А. Д. Шереметева. Выяснено, что большинство виновников беспо-

6. Воронежское слово. 1906. 17 мая. № 115.

7. Курская жизнь. 1906. 2 июня. № 20.

рядков — подростки и хулиганы⁸. По сообщению корреспондента «Воронежского слова» от 18 июня 1906 года, беспорядки произошли в слободе Алексеевке Бирюченского уезда Воронежской губернии на базарной площади, принадлежащей Шереметеву. В результате столкновения три крестьянина получили легкие ранения, а несколько стражников было избито. Погромщики в графской усадьбе уничтожили архив конторы, сожгли три дома и надворные постройки. Также они разгромили, а затем и сожгли магазин купца Шапочникова. По мнению автора заметки, самое активное участие в произошедшем погроме принимали местные мальчишки и несколько человек из молодежи⁹.

Сельские парни нередко сами выступали застрельщиками протестных действий. По сведениям полиции, в списках крестьян Петровского уезда Саратовской губернии неблагонадежного поведения от 2 августа 1902 года значилось 55 человек. Именно они производили поджоги и другие акции в своей местности. В основном это была молодежь в возрасте от 18 до 25 лет (Воробьев, 2015: 183). Аналогичная картина была и в других регионах страны. Так, 27 октября 1905 года крестьяне с. Иваново Цивильского уезда Казанской губернии поддержали призыв молодежи и всем обществом, численностью почти 200 человек, двинулись на захват имения Н. П. Курбатова. Погром начала молодежь, старшее поколение присоединилось позже (Соколова, 2021: 20). В материалах выездной сессии Харьковской судебной палаты, состоявшейся 30 июня 1905 года в г. Дмитрове, находим следующее описание погрома, произошедшего 29 февраля: «Сперва крестьяне всё били и ломали, а затем, когда большинство зданий в усадьбе загорелось, будучи подоженными бывшими в толпе подростками и детьми, начали растаскивать экономическое имущество, главным образом хлеб и спирт. Трое свидетелей видели, как Александр Марочкин, 17 лет, во время погрома нес зажженный пук соломы у плотницкой мастерской, как он затем бил окна в доме управляющего и кричал толпе: “У кого есть спички, таскайте!”»¹⁰. В с. Рогачевка Воронежского уезда 11 мая 1906 года на сельском сходе группой молодежи был поднят вопрос об установлении цены на уборку ржи у соседних помещиков в размере 15 руб. за десятину. Не найдя поддержки у односельчан, те пригрозили применить силу к тем, кто будет наниматься на работу за меньшую плату¹¹. Таким образом, молодые люди стали играть все более заметную роль в общественной жизни села, и иногда проявляли больший радикализм в действиях, чем их отцы.

8. Речь. 1906. 19 июля. № 130.

9. Воронежское слово. 1906. 22 июня. № 145.

10. Русские ведомости. 1905. 5 июля. № 179.

11. Воронежское слово. 1906. 16 июня. № 140.

ИСТОРИЯ

Мощным триггером для крестьянского протеста было насилие, примененное властью. В листовке Борисоглебской группы РСДРП об аграрном движении в уезде от 30 ноября 1905 года говорилось, что «офицер 6-го запасного кавалерийского полка г-н Щербинин, “охотой” вызвавшийся на усмирение крестьян, с чувством наслаждения и сладострастия занимался поркой крестьян. Без всякого повода, единственно из наслаждения, этот негодяй порет мужчин, порет женщин и даже детей!»¹² А месяцем ранее, некий штабс-капитан Илюшин сообщал, что «в Уварове навел порядок одними плетьюми, патроны не потребовались»¹³. Из других мест приходили аналогичные свидетельства: «Били плетьюми, нагайками с вплетенною проволокой и со свинцовыми наконечниками, увечили ружейными прикладами, расстреливали... Били взрослых, били подростков, женщин, стариков. Засакали до бесчувствия, многих — до смерти»¹⁴. А вот описание расправы над крестьянами в с. Чириково Балашовского уезда Саратовской губернии. «Истязали стариков лет 60–65 и 17-ти летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетьюми»¹⁵. По всей видимости, такие карательные акции, осуществленные с целью острастки крестьян, вызывали у них не только страх, но и чувство ненависти к существующей власти.

Деревенские дети часто становились свидетелями жестоких расправ. Одна из таких, произошедшая 25 ноября 1905 года в с. Серединовка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, описана в газетном сообщении: «Били плетьюми и нагайками с ужасной жестокостью. Давали по несколько десятков ударов каждому. Одному истязаемому выбили глаз, одному проломили лоб до мозга, других избивали до полусмерти»¹⁶. В телеграмме Саратовской губернской земской управы генерал-адъютанту Сахарову, по поводу усмирений в Балашовском уезде, говорилось, что «казаки бьют, калечат, грабят, насилуют женщин, убивают». В с. Чернавка казаками были изнасилованы девочки 13–15 лет (Веселовский, 1907: 89). Можно предположить, что подобные сцены порки отцов и братьев являлись для юных жителей села сильной психологической травмой.

В ходе подавления протестов крестьянские дети порой и сами становились случайными жертвами карательных акций. Например,

12. *Дубышкин И.* К 25-летию революции 1905 года. Крестьянское движение в Борисоглебском уезде 1905 года // Коммунар. 1930. 25 ноября. № 2.

13. Там же.

14. *Засодимский П. В.* О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах // Северный Край. 1922. Кн. № 2. Март — Апрель.

15. Там же.

16. Тамбовский голос. 1905. 1 декабря. № 62.

в результате стрельбы в ходе подавления выступления в с. Петровское Княже-Богородицкой волости Тамбовского уезда и губернии 7 ноября 1905 года было убито 4 и ранено 19 крестьян. По заявлению врача Коптевского участка Когана, в Сампурскую больницу Тамбовского уезда поступило 13 человек. В их числе был крестьянский мальчик 16 лет, раненный в руки, одну из которых пришлось ампутировать¹⁷. А 24 мая 1906 года в ходе столкновения конных стражников с крестьянами с. Балаклея Кирсановского уезда Тамбовской губернии выстрелом пулей в живот была убита крестьянская девочка 7 лет, Хорлачева¹⁸. Приведенные факты гибели деревенских детей — еще одно подтверждение того, что они физически находились в гуще происходящих событий.

Известны также случаи, когда насилие над подростками становилось причиной для крестьянского протеста. В изучаемый период одним из приемов «оружия слабых» являлась потрава барских полей или выгон скота в казенный лес. Известно, что пастьба лошадей была традиционным занятием деревенских парней. Так, в имении князя Барятинского Льговского уезда Курской губернии 24 мая 1906 года казаки, застигнув на помещицьем лугу четырех подростков, пасших лошадей, устроили им экзекуцию. Трех мальчиков так исполосовали казацкими нагайками, что «куски мяса прямо висели ключьями». Одному из ребят удалось убежать в деревню и сообщить мужикам. В результате последующего столкновения один крестьянин был убит и один серьезно ранен¹⁹.

Наряду с насилием, вызывавшим ответную агрессию, мотивом для погромных действий могли быть и весьма прозаические причины. Например, в ночь на 19 мая 1905 года на Поддубенском лугу имения князя Васильчикова, расположенном в Павловском уезде Воронежской губернии, приказчик Перн выстрелом из револьвера убил крестьянина Григория Кизина. Озлобленные крестьяне села Нижний Кисляй, узнав, что убийца не арестован, перебили окна в экономии, изломали части наружных построек, похитили некоторые вещи и разграбили погреба с вином. Подростки из толпы бросали камнями и кусками сухой земли в окна дома управляющего и били стекла²⁰. Весьма любопытен мотив их действий. В деле имеются указания, что расхищение и повреждение имущества холостых служащих в экономии произведены были молодыми парнями, питавшими неудовольствие против экономической молодежи из-за крестьянских девушек²¹. Проще говоря, деревенские парубки приревновали и мстили своим конкурентам за внимание местных невест.

17. Тамбовский голос. 1905. 2 декабря. № 63.

18. Тамбовский голос. 1906. 30 мая. № 35.

19. Курская жизнь. 1906. 27 мая. № 15.

20. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6818. Л. 1, 4.

21. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6818. Л. 50б.

При анализе проблемы следует также учитывать рост социальных девиаций, которые были присущи сельскому населению, в том числе и деревенской молодежи. Мы оставляем без рассмотрения такое явление, как хулиганство, о котором написано много. Однако обращаем внимание на распространение в селе такого порока, как пьянство, которому отчасти было подвержено и молодое поколение русской деревни. Такой подход обусловлен тем, что исследователи относят алкогольное опьянение к числу важнейших условий физиологического характера, детерминирующих социальную агрессию (Сухова, 2007: 18). По мнению самарского губернатора, в ноябре 1905 года одной из самых «существенных причин, влияющих на возникновение беспорядков, являлось пьянство крестьян, совершающих самоуправство и грабежи всегда в нетрезвом виде» (Сухова, 2007: 19). Во время погромов и актов разрушения в октябре 1905 года винные лавки часто взламывались, после чего начинались пьяные оргии, длившиеся день за днем (Шанин, 1997: 172). Таким образом, особенностью протестного движения, на которую мало обращали внимание исследователи, было употребление спиртного участниками погромов, не только мужиками, но и женщинами, а в ряде случаев и подростками. Так, в донесении министру юстиции от 9 марта 1905 года из Орловской губернии сообщали, что 28 февраля разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкино и Лобоново Дмитровского уезда. Местные крестьяне разгромили винный склад, спирт расхищали ведрами, корытами, бочонками, кувшинами. Пили его на месте, и пили без меры, вследствие чего четверо крестьян умерло тут же около склада²². По сообщению газеты «Речь», в Бобровском уезде Воронежской губернии за период с 27 по 29 июня 1905 года было разгромлено 20 имений. Погромщики предварительно везде разбивали монопольные лавки и перепивались²³. В ноябре того же года в Новоскольском уезде Курской губернии было разгромлено 13 казенных лавок. Такие хулиганские выходки были распространены среди деревенской молодежи в возрасте от 14 до 25 лет, занимающейся ремеслом или отхожими промыслами (Евдокимова, 2019: 110). Из полицейского донесения следует, что крестьяне с. Никольское Орловского уезда той же губернии 25 мая 1906 года разграбили всем обществом местную казенную винную лавку и двинулись на разгром имения помещика Шенига: «Крестьянами разграблено 240 ведер вина. Весь день все село было страшно пьяно: перепились даже женщины и дети»²⁴. С 15 по 17 мая 1906 года в Старом Осколе выездной сессией Курского окружного суда слушалось четыре аграрных дела, два из которых относились к разгрому вин-

22. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 10.

23. Речь. 1906. 1 июля. № 114.

24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 00. Оп. 1906 (II). Д. 236. Д. 700. Ч. 7. Л. 27, 29, 48.

ных лавок в слободе Орлик и селе Волоконовке²⁵. Из описания разгрома в имении графа Орлова крестьянами с. Пады Михайловской волости Бобровского уезда Воронежской губернии, произошедшем 27 июня 1906 года, узнаем, что «большая часть пришедших была выпивши, а сама толпа состояла из лиц обоего пола, от стариков и старух до детей включительно»²⁶. То, что погромы совершались под воздействием винных паров, признавали и сами крестьяне. Так, в прошении крестьян с. Позняшовка Севского уезда Орловской губернии, осужденных за разгром экономии генерала Бобылева, на имя императора о помиловании от 17 января 1906 года находим такое объяснение: «Кроме того время было праздничное, масленица, выпили мы больше чем следует, потеряли сознание и что делали и сами хорошо не помним»²⁷. Таким образом, алкоголь в русском селе часто выступал «спутником» крестьянских погромов.

Наказание

Вовлеченные в события с присущим этому возрасту любопытством, дети часто становились свидетелями противоправных действий взрослых односельчан. Поэтому объяснимо желание следствия использовать их наблюдения для установления хода произошедшего и его участников. Так, в судебной хронике «Тамбовского го-лоса» от 26 октября 1906 года о слушаниях в окружном суде дела о разгроме Булгаковского хутора крестьянами села Саюкино и деревень Каменка и Федоровка Дмитриевской волости Тамбовского уезда и губернии есть следующая фраза: «Десятилетний мальчик просто и подробно рассказал о погроме. В темноте он никого не мог узнать»²⁸. Трудно установить, что было тому причиной, особенность детской психологии или подсказ взрослых. Как видим, ребенок охотно описывал увиденные действия, но отказывался называть тех, кто их совершал. Подобная ситуация хорошо отражала позицию жителей села к происходящему: как правило, следствие быстро устанавливало ход преступных действий, но с трудом определяло их участников и долго не могло выявить инициаторов. На допросах крестьяне отказывались называть зачинщиков, утверждая, что громили «всем миром». Понимая, что по наивности дети могут сказать «лишнее», взрослые крестьяне препятствовали привлечению малолетних к следствию в качестве свидетелей. По сообщению урядника Бондаренко от 8 июля 1905 года, производившего дознание о поджоге сена в экономии землевладелицы Суровцевой крестьянами села Трубетчино Балашовского уезда Саратовской гу-

25. Курская жизнь. 1906. 21 мая. № 11.

26. Воронежское слово. 1906. 16 ноября. № 263.

27. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 100.

28. Тамбовский голос. 1906. 26 октября. № 149.

бернии, он хотел допросить как свидетеля девочку Анну Ефимову Козлову, 9 лет. Ее отец отказал ему в этом, сославшись на то, что тот не имеет права допрашивать малолетних в отсутствие их отцов²⁹. Такая позиция объяснима бытовавшими нормами обычного права, которые не только рассматривали правонарушения детей как вину родителей, но и не допускали привлечение их в качестве свидетелей. Отметим, что положения официального законодательства в этом совпадали с неписанным правом, и не допускали к свидетельству под присягой малолетних детей, не достигших 14-летнего возраста.

Активное участие сельской молодежи в разгроме помещичьих имений подтверждается содержанием судебных приговоров. Так, из 188 крестьян, жителей слободы Коренной Богучарского уезда Воронежской губернии, обвиненных в разгроме экономии Ширинкиной, 11 были в возрасте от 18 до 21 года³⁰. Среди 19 крестьян, в отношении которых был вынесен приговор по обвинению в разгроме 1 ноября 1906 года хутора г. Чихачева в Татаршинской волости Тамбовского уезда, было двое несовершеннолетних³¹. В результате слушания дела о разгроме крестьянами Добруньской экономии Севского уездного предводителя дворянства В. П. Подлинева Орловским окружным судом 29 июля 1906 года 15 подростков из 100 обвиняемых были оправданы, а четверо крестьян, не достигших семнадцати лет, «присуждены в тюрьму на 8 месяцев каждый»³². Тем же присутствием 16 августа 1906 года за участие в погроме хутора Подворного несовершеннолетний крестьянин Александр Карпов был осужден на 10 месяцев в арестантские роты. Несовершеннолетний крестьянин Павел Хрычев, как участник разгрома имения Каstialьского, решением того же суда получил 8 месяцев тюремного заключения³³.

Коронная власть проявляла снисхождение к молодым погромщикам. Если они и привлекались к ответственности за участие в «аграрных беспорядках», то их наказание было более мягким, чем приговоры в отношении их взрослых односельчан. За участие в погроме Михайловского хутора Неонил Левенец, 19 лет, был приговорен к тюремному заключению на 4 месяца³⁴. Из 48 крестьян, жителей сел Дмитровского уезда Орловской губернии, признанных виновными в разорении экономии великого князя Сергея Александровича, только трое несовершеннолетних получили минимальный срок — четыре месяца тюремного заключения³⁵. По факту разгро-

29. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6991. Л. 2.

30. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6874. Л. 18-19.

31. Тамбовский голос. 1906. 29 августа. № 101.

32. Орловская речь. 1906. 2 августа. № 170.

33. Орловская речь. 1906. 17 августа. № 182.

34. Речь. 1906. 24 февраля. № 2.

35. Русские ведомости. 1905. 25 июля. № 199.

ма лавки в с. Большой Хутор Новооскольского уезда Курской губернии к суду было привлечено 10 крестьян, из них четверо несовершеннолетних. Приговором Курского окружного суда от 16 июня 1907 года наказание для них было понижено на одну степень, и срок тюремного заключения составил 6 месяцев (Пашков, 2012: 140).

Согласно положениям 269 ст. Уложения о наказаниях, для несовершеннолетних участников аграрных беспорядков не применялось лишение особенных прав и преимуществ, производилась замена наказания арестантскими исправительными ротами на тюремное заключение, а его срок уменьшался не менее чем вдвое. Так, приговором Московской судебной палаты по особому присутствию от 21 сентября 1905 года 90 крестьян д. Манцурово Юровской волости Трубчевского уезда Орловской губернии за разграбление хлебного склада помещика Щегловитова были осуждены к 8 месяцам тюрьмы, а трое из них, имеющие возраст 18 и 19 лет, лишь к 4 месяцам³⁶. Из представления прокурора Харьковской судебной палаты от 7 февраля 1906 года по делу о расхищении хлеба в экономии Мейендорфа «Прилепы» Орловской губернии следует, что из 117 крестьян д. Лобков, преданных суду, 9 несовершеннолетних были приговорены к заключению в тюрьму на два месяца, а взрослые получили срок в восемь месяцев³⁷.

Такая гуманность объяснима не только требованиями действовавшего законодательства, но и тем, что судьи проявляли к молодым крестьянам снисхождение, считая, что противоправные действия стали следствием их «темноты» и заблуждений, а примененное ими насилие результатом подстрекательства злонамеренных сил.

Заключение

Протестное движение 1905–1907 годов стало для представителей «поколения революционного перелома» своеобразным «первым классом» школы социальной активности. Стоит согласиться с утверждением Теодора Шанина, что «основными уроками, которые они вынесли из опыта Революции 1905–1907 годов, была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и властей...» (Шанин, 1997: 301–302). Их отцы, не знавшие крепостного состояния, передали им убежденность в справедливости решения земельного вопроса посредством ликвидации помещичьей собственности. Коллективный характер протеста рождал у них ощущение причастности к сельскому «миру», наглядно демонстрировал силу общины в борьбе с помещиком, ее потенциальные возможности сопротивления власти. Наряду с традиционными

36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 9408. Л. 2.

37. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 101–103.

ми приемами «оружия слабых» крестьянство прибегло к разгрому помещичьих имений и сожжению барских усадеб. Если сельские дети в силу возраста были лишь наблюдателями, то крестьянские подростки играли в происходящих событиях активную роль. Новым в аграрном движении было то, что крестьяне все чаще прибегали к вооруженному протесту, применяли насилие в отношении стражников, полицейских, казаков, военных. Фактором, повышавшим степень агрессии сельских погромщиков, был алкоголь, что формировало у юных участников беспорядков мнение о зависимости решительности действий от состояния опьянения. Это во многом объясняет волну «пьяных» погромов 1917 года, как и прочих проявлений жестокости в ходе «общинной революции». Повзрослевшие дети, побывавшие на фронтах Первой мировой войны и привитые насилием, вернулись домой, многие с оружием, чтобы отомстить за порки их отцов, и посредством «черного передела» обрести вождеденную землю. Но это будет уже следующий жизненный этап поколения «революционного перелома», сыгравшего важную роль в событиях, определивших историческую судьбу российской деревни.

Библиография

- Безгин В. Б. (2017). Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. № 12. Вып. 3. С. 20–27.
- Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. (2022). Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 3(78). С. 135–145.
- Веселовский Б. (1907). Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб.: Зерно.
- Воробьев Е. П., Яценко Р. В. (2015). Поджоги как форма крестьянского движения в пореформенный период. По материалам Саратовской губернии // Вестник архивиста. № 4. С. 177–187.
- Вязинкин А. Ю. (2022). Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. № 7-2. С. 153–165.
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. (2023). Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Научный диалог. Т. 12. № 4. С. 402–417.
- Данилов В. П. (1996). Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы научной конференции. М. – Тамбов: Изд-во ТГТУ. С. 4–23.
- Евдокимова А. Г. (2019). Проявления революции 1905 г. в российской провинции на примере аграрной Курской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. (07.00.02). Курск: КГУ.
- Кабытов С. П., Баринаева Е. П. (2021). Аграрные «беспорядки» в России 1902–1904 гг.: новые вызовы крестьян имперской власти // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции, 1–3 апреля 2021 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. Т. 1. С. 233–240.

- Кондрашин В. В. (2008). «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. № 2(19). С. 85–89.
- Кондрашин В. В. (2020). Крестьянское движение в годы первой русской революции // Северо-Запад в аграрной истории России. № 26. С. 195–212.
- Лемаев И. В. (2017). Феномен аграрного террора в крестьянском движении во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Пензенской губернии) // Успехи современной науки и образования. № 10. С. 157–163.
- Пашков Е. В. (2012). Погромы казенных винных лавок в Курской губернии в 1905 г. // Вопросы истории. № 11. С. 137–140.
- Перепелицын А. В., Кудинова Ю. В. (2013). Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика, информатика. Вып. 26. № 8(151). С. 120–124.
- Соколова В. И., Ласточкин В. Б., Бойко С. И. (2021). Крестьянский мир Чувашского края в социально-экономическом и политическом противостоянии власти в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. № 9-2. С. 16–29.
- Сухова О. А. (2007). «Русский бунт» начала XX века как ритуал крестьянской повседневности: реальность или мистификация? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1. С. 17–25.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг. М.: Весь мир.
- Шорников Е. И. (2022). Крестьянское понимание экономической справедливости в конфликте с действующим законодательством и «беспорядки» на спорном участке помещика Рклицкого в 1902 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1. С. 44–54.

Peasant children and adolescents in the agrarian protests of 1905–1907

Vladimir B. Bezgin, DSc (History), Leading Researcher, Tambov State Technical University, Sovetskaya St., 106/5, Tambov, 392000. E-mail: vladyka62@mail.ru

Abstract. The article considers the participation of village children and adolescents in the agrarian movement of 1905–1907 as a part of the study of the role of the “generation of revolutionary change” in the peasant revolution of 1902–1922. The study aims at the historical justification of Danilov-Shanin’s concept through generational history combined with peasant studies and interdisciplinary approach. The author focuses on the underage peasants’ participation in the agrarian turmoil of 1905–1907, based on the archival documents and media materials. Police and governor’s reports and court records show that children and adolescents participated in such forms of peasant protest as destruction and arson of landlords’ fields and estates, which is evidenced by deaths and injuries of rural children during punitive actions and by illegal actions of rural adolescents mentioned in investigative cases, court proceedings and newspaper articles. Thus, rural children were observers of protests, while rural adolescents played an active role, sometimes including the role of rioters. Such a participation of children and adolescents in the peasant movement was determined by the nature of collective actions in the peasant community and by the peasant traditional attitude to ‘alien’ property. The experience of peasant protest was used by the younger rural generation during the ‘black redistribution’ of 1917.

Key words: “generation of revolutionary change”, rural community, peasantry, children, adolescents, protest

- ИСТОРИЯ Bezgin V. B. (2017) Pogromnoe dvizhenie 1905–1907 gg. i povstanchestvo 1920–1922 gg. tambovskogo krest'yanstva: obshchee i otlichie [1905–1920 pogrom movement and 1920–1922 rebellion of the Tambov peasantry: Common and different features], *Istoriya: Fakty i Simvol'y*, vol. 12, no 3, pp. 20–27.
- Danilov V. P. (1996) Krest'yan'skaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg. [Peasant revolution in Russia. 1902–1922], *Krest'yan'e i vlast'*, Moscow–Tambov: Izd-vo TGTU, pp. 4–23.
- Evdokimova A. G. (2019) *Proyavleniya revolyutsii 1905 g. v rossiyskoy provintsii (na primere agrarnoy Kurskoy gubernii)* [Manifestations of the Revolution of 1905 in the Russian province (on the example of the agrarian province of Kursk)] (PhD Thesis), Kursk: KGU.
- Kabytov S. P., Barinova E. P. (2021) Agrarnye “besporyadki” v Rossii 1902–1904 gg.: novye vyzovy krest'yan imperskoy vlasti [Agrarian “riots” in Russia in 1902–1904: New peasant challenges to the imperial power], “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost', Ed. by V. A. Veremenko, Saint Peterburg: LGU im. Pushkina, vol. 1, pp. 233–240.
- Kondrashin V. V. (2008) “Krest'yan'skaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.”: nauchny proekt i nauchnaya kontseptsiya (predvaritelnye zametki) [“Peasant Revolution in Russia. 1902–1922”: Scientific project and scientific concept (preliminary notes)], *Uralskiy Istoricheskiy Vestnik*, no 2, pp. 85–89.
- Kondrashin V. V. (2020) Krest'yan'skoe dvizhenie v gody pervoy russkoy revolyutsii [Peasant movement in the first Russian revolution], *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*, no 26, pp. 195–212.
- Lemaev I. V. (2017) Fenomen agrarnogo terrora v krest'yan'skom dvizhenii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. (na primere Penzenskoy gubernii) [Phenomenon of agrarian terror in the peasant movement in the second half of the 19th — early 20th century (on the example of the Penza Province)], *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*, no 10, pp. 157–163.
- Pashkov E. V. (2012) *Pogromy kazennykh vinnykh lavok v Kurskoy gubernii v 1905 g.* [Pogroms of the state wine shops in the Kursk Province in 1905], *Voprosy Istorii*, no 11, pp. 137–140.
- Perepelitsyn A. V., Kudina Yu. V. (2013) Krest'yan'skoe dvizhenie v Voronezhskoy gubernii v gody pervoy russkoy revolyutsii [Peasant movement in the Voronezh Province in the first Russian revolution], *Nauchnye Vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, vol. 26, no 8, pp. 120–124.
- Shanin T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. 1905–1907 gg. — 1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. 1905–1907 — 1917–1922], Moscow: Ves mir.
- Sokolova V. I., Lastochkin V. B., Boyko S. I. (2021) Krest'yan'ski mir Chuvashskogo kraja v sotsialno-ekonomicheskom i politicheskom protivostoyanii vlasti v gody Pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg. [Peasant world of the Chuvash region in the social-economic and political opposition to power during the first Russian Revolution of 1905–1907], *Voprosy Istorii*, no 9–2, pp. 16–29.
- Sukhova O. A. (2007) “Russkiy bunt” nachala XX veka kak ritual krest'yan'skoy povsednevnosti: realnost ili mistifikatsiya? [“Russian revolt” of the early 20th century as a ritual of the peasant everyday life: Reality or myth?], *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Gumanitarnye Nauki*, no 1, pp. 17–25.
- Shornikov E. I. (2022) Krest'yan'skoe ponimanie ekonomicheskoy spravedlivosti v konflikte s deystvuyushchim zakonodatel'stvom i “besporyadki” na spornom uchastke pomeshchika Rklitskogo v 1902 g. [Peasant understanding of economic justice in conflict with the current legislature and “riots” on the disputed plot of the landowner Rklitsky in 1902], *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Gumanitarnye Nauki*, no 1, pp. 44–54.

- Varfolomeev Yu.V., Shumilova L. N. (2022) Pogromnye “illyuminatsii”: osobennosti i kharakter krestiyanskih besporyadkov v Saratovskoy gubernii v 1905 godu (po materialam sudebnyh protsessov) [Pogrom “illuminations”: Features and nature of the peasant unrest in the Saratov Province in 1905 (based on court proceedings)], *Vestnik SGPU*, no 3, pp. 135–145.
- Veselovsky B. (1907) *Krestiyansky vopros i krestiyanskoe dvizhenie v Rossii (1902–1906 gg.)* [Peasant Question and Peasant Movement in Russia (1902–1906)], Saint Petersburg: “Zerno”.
- Vorobiev E. P., Yashchenko R. V. (2015) Podzhogi kak forma krestiyanskogo dvizheniya v poreformenny period. Po materialam Saratovskoy gubernii [Arson as a form of the peasant movement in the post-reform period. Based on the materials on the Saratov Province], *Vestnik Arkhivista*, no 4, pp. 177–187.
- Vyazinkin A.Yu. (2022) Pokolenie “revolyutsionnogo pereloma” v sudbe russkoy derevni pervoy treti XX v.: problemy istoriografii [Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Issues of historiography], *Voprosy Istorii*, no 7–2, pp. 153–165.
- Vyazinkin A.Yu., Yakimov K. A. (2023) Krestiyane v revolyutsionnykh sobyitiyakh nachala XX veka: po materialam Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssylnoy poselentsev [Peasants in revolutionary events of the early 20th century: based on the materials of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles], *Nauchny Dialog*, vol. 12, no 4, pp. 402–417.